

УДК 323.1(477:439)(091)«1939/1944»

Казак Олег

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ВЕНГРИИ
В ОТНОШЕНИИ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ
(1939–1944 ГГ.) В СВЕТЕ ТЕОРИИ СИМВОЛИЧЕСКОЙ
ПРИРОДЫ НАЦИОНАЛИЗМА**

В статье анализируются основные приемы политики венгерских властей, направленной на обеспечение лояльности местного населения Подкарпатской Руси путем пропаганды локальных духовных ценностей на всех уровнях общественной жизни как противовеса про-русских и проукраинских настроений.

Ключевые слова: русины, идентичность.

Казак О.

**ЕТНОКУЛЬТУРНА ПОЛІТИКА УГОРЩИНИ ЩОДО
ПІДКАРПАТСЬКОЇ РУСИ (1939–1944 РР.) У СВІТЛІ
ТЕОРІЇ СИМВОЛІЧНОЇ ПРИРОДИ НАЦІОНАЛІЗМУ**

У статті аналізуються основні прийоми політики угорської влади, спрямованої на забезпечення лояльності місцевого населення Підкарпатської Русі шляхом пропаганди локальних духовних цінностей на всіх рівнях суспільного життя як протизваги проросійських і проукраїнських настроїв.

Ключові слова: ідентичність, русини.

Kazak O.

**ETHNOCULTURAL POLICY OF HUNGARY IN RELATION
TO CARPATHIAN RUTHENIA (1939–1944) IN THE LIGHT
OF THE THEORY OF THE SYMBOLIC NATURE
OF NATIONALISM**

The article analyzes basic techniques of policy of the Hungarian authorities, aimed at ensuring loyalty of the local population of Carpathian

Ruthenia by promoting local spiritual values \at all levels of public life as a counterweight pro-Russian and pro-Ukrainian sentiment.

Key words: *identity, Rusyns.*

В настоящее время растет число сторонников исследования национальных процессов с точки зрения семиотического и конструктивистского подходов. На символическую природу национализма указывал П. Бурдьё, говоря о том, что нации «реальны благодаря воспроизводству веры людей в их реальность и институтам, ответственным за воспроизводство этой веры» [5, с. 92]. В российском национальном интересе представляют работы Ю. Тимофеева. Данный автор вводит понятие «нациосферы» (по аналогии с «семиосферой» Ю. Лотмана), которую считает «частью социального и семиотического пространства, связанную с дифференциацией социального пространства семиотическими средствами по основаниям, которые принято считать национальными [17, с. 90-91]. По мнению Ю. Тимофеева, в рамках национального дискурса идет постоянная борьба за право номинирования и легитимации, контроля и воспроизводства тех или иных знаково-символических комплексов [17, с. 96–97]. Концепция российского ученого схожа с идеями Р. Брубейкера, одного из крупнейших современных исследователей национальных процессов. Он в своих работах выделяет особую роль государства как «мощного идентификационного фактора», располагающего огромными материальными и символическими ресурсами [4, с. 91]. Эти ресурсы позволяют государству как «монополисту легитимной символической власти» конструировать выгодный для себя общественно-культурный ландшафт. Эти теоретические положения можно проследить на примере политики Будапешта в Подкарпатской Руси в 1939–1944 гг.

Пытаясь представить присоединение Подкарпатской Руси к Венгрии как акт восстановления справедливости, идеологи обращались к различным историческим сюжетам. Эти «изобретенные традиции», по мнению Э. Хобсбаума, «представляли собой ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой. Или же они создавали себе прошлое путем их как бы обязательного повторения [19, с. 48]». Сюжеты, связанные с совместным участием венгров и русинов в антигабсбургских выступлениях, не случайно наиболее часто воспроизводились в общественном дискурсе.

По мнению Э. Смита, особенный успех пропаганда идеи братства и родства имеет в том случае, когда актуализируются воспоминания о совместном участии в войнах и восстаниях [15, с. 170]. Огромную популярность приобрели Ференц II Ракоци и его мать Илона Зрини – венгерские магнаты, участники антигабсбургских выступлений конца XVII – начала XVIII вв. Увековечивалась память и ближайших соратников Ференца II Ракоци, например, Николая Берчени, руководителя выступлений в Ужгороде. В честь этих деятелей в период венгерского господства было установлено несколько мемориальных досок [23, о. 344]. Полулегендарный факт, согласно которому Ференц II Ракоци называл русинских крестьян, участвовавших в выступлениях, «gens fidellissima» («наивернейшим племенем»), многократно использовался как в речах высшего руководства Венгрии (например, премьер-министра П. Телеки [25]), так и в местной прессе [9].

Также была восстановлена мемориальная доска в среднянском замке, где в период с 1805 г. по 1811 г. хранилась корона «Святого Стефана». Впервые данное событие было увековечено в виде памятного знака еще в 1911 г., но в период чехословацкой власти мемориальная доска была демонтирована [23, о. 332]. Столь тщательное внимание к истории взаимоотношений между русинами и венграми нельзя считать случайным. Интересна в этой связи трактовка «возвышенного исторического опыта», которую предлагает философ Ф. Анкерсмит: «Вначале исторический опыт вызывает гештальт-переключение от безвременного настоящего к миру, состоящему из прошлого и настоящего. Это приводит нас к раскрытию прошлого как реальности, которая однажды каким-то образом «оторвалась» от безвременного настоящего. В этом заключается «момент утраты». Но вместе с тем исторический опыт стремится к восстановлению прошлого, снова преодолевая барьеры между прошлым и настоящим» [1, с. 29]. Подобный пафос нашел самое непосредственное отражение в официальном венгерском дискурсе, где события конца 30-х – начала 40-х гг. XX вв. рассматривались как «возрождение» былого величия. Все эти акции по замыслу будапештских идеологов должны были продемонстрировать исторические примеры преданного отношения русинов к идеям венгерской государственности и стать образцом для моделей поведения современных жителей региона.

Программной работой, отражающей официальную точку зрения Будапешта относительно русинского вопроса, стал объемный исторический труд известного слависта Ш. Бонкало «Русины» («A rutének»), увидевший свет в 1940 г. Данное произведение начинается с легенды, согласно которой Бог призывал русинов и венгров жить в дружбе и взаимопонимании. Лейтмотивом дальнейшего повествования становилась идея общей судьбы двух народов, подтверждение которой автор традиционно находил в примерах участия русинов в антигабсбургских выступлениях, приводя даже образцы (довольно сомнительные в плане их подлинности) песен, которые распевали русинские повстанцы в ходе венгерской революции 1848–1849 гг. Все достижения русинов в экономической, образовательной, интеллектуальной сферах историк связывал исключительно с «благодатным» венгерским влиянием. Приверженность значительной части интеллигенции Подкарпатской Руси XIX – начала XX вв. (прежде всего «русинских будителей» А. Духновича и А. Добрянского, а также М. Лучкая, И. Раковского и др.) панславистским и русофильским идеям Ш. Бонкало объясняет главным образом деятельностью русских шпионов. При этом автор книги «Русины» утверждал, что среди местного населения идеи русофильски настроенной интеллигенции не имели существенного отклика, а также считал произведения таких авторов низкокачественными с художественной точки зрения (так, знаменитое «русинское кредо» авторства А. Духновича Ш. Бонкало считал «примитивным и наивным»). Историк заявлял, что к моменту выхода книги панславистские тенденции в Подкарпатской Руси были полностью отвергнуты. Ш. Бонкало выступал также и против тех общественно-политических и культурных деятелей, которые считали население региона органической частью украинцев. Присоединение Подкарпатской Руси к Чехословакии однозначно трактовалось как оккупация, при этом утверждалось, что русины пытались до последнего защитить свои права на «свободное развитие» в рамках венгерского государства [22].

Даже беглого взгляда на основные положения, предлагаемые в сочинении Ш. Бонкало и в других подобных работах, достаточно, чтобы рассмотреть в них значительное искажение действительности. Например, революционное движение 1848–1849 гг. вынудило значительную часть русинской интеллигенции сде-

вать ставку на австрийские власти. Так, А. Добрянский, известный как один из первых «русинских будителей», в 1848–1849 гг. занимал должность помощника гражданского комиссара при русском войске, участвовавшем в подавлении антиавстрийских выступлений [2, с. 148]. Нельзя назвать соответствующим действительности и тезис историка, согласно которому русофильские идеи к моменту присоединения региона к Венгрии были полностью отвергнуты местным населением. Так, в 1941 г. в Ужгороде были изданы избранные произведения А. Духновича с пространным предисловием, написанным с традиционных русофильских позиций. Единственным признаком венгерского господства в Подкарпатской Руси было отсутствие в данном предисловии какой-либо критики в адрес национальной политики венгерских властей, а также утверждение о том, что толчком для национальной деятельности А. Духновича было «возрождающееся национальное самосознание у венгров» [21, с. 364]. В литературном конкурсе, посвященном А. Духновичу, приняли участие многие представители интеллигенции, в том числе, например, такой деятель просоветского крыла русофильского течения, как Д. Вакаров. Молодой поэт, судьба которого сложилась трагически, называл А. Духновича «будителем-героем» [7, с. 68], несмотря на то, что в других своих произведениях высказывал крайне неприязненное отношение к духовенству [6, с. 79], которое преобладало в среде интеллигенции Подкарпатской Руси. Особенно малоубедительным выглядело высказывание Ш. Бонкало о всеобщем желании русинов остаться в составе Венгрии после окончания Первой мировой войны, так как память о тех недавних событиях была достаточно сильной. В действительности же к 1918 г. представители интеллектуальных элит выработали несколько концепций дальнейшего развития региона: автономия в составе Венгрии, независимое государство, часть объединенной Украины, часть России, автономия в составе Чехословакии [11, с. 91]. Все эти варианты в разное время и с разной интенсивностью обсуждались на многочисленных собраниях с участием местного населения.

Несмотря на явную тенденциозность исторических работ периода 1939–1944 гг. венгерских авторов о Подкарпатской Руси, подобные идеи находят некоторый отклик и сегодня. В качестве примера можно привести научно-популярное сочинение А. Бе-

недека, опубликованное на английском, венгерском и русинском языках. Основные тезисы этой книги напрямую дублируют идейные положения работы Ш. Бокало [3].

Пресса Подкарпатской Руси тиражировала основные постулаты, высказанные в работе Ш. Бонкало, в еще более упрощенном виде. Постоянно подчеркивая идеи «русинско-венгерского братства» и «взаимовыгодного сотрудничества» народов [13; 14], проводники официального курса позиционировали в качестве чуждых и вредных для местного населения идеологий как прорусские [8; 16], так и проукраинские [10; 18] воззрения. Сознательная поддержка локальной русинской идентичности Будапештом являлось попыткой блокировать участие населения региона в более мощных русофильских и украинофильских национальных проектах. Венгерские власти пытались убедить интеллигенцию Подкарпатской Руси в том, что развитие самобытной культуры населения края возможно лишь под опекой «Короны Святого Стефана». Однако последовавший рост исторических, этнографических, фольклорных исследований не должен однозначно трактоваться как признак благоприятных условий культурной политики в регионе. Несмотря на многочисленные обещания руководства Венгрии [20, с. 81; 24], автономный статус региону предоставлен не был. А регентский комиссар (главный представитель Будапешта в Подкарпатской Руси) М. Козма неоднократно заявлял, что любые попытки использования местными элитами культурных вопросов для реализации собственных политических амбиций должны жестко пресекаться [12]. Лишь безусловная лояльность режиму являлась условием, позволяющим представителям интеллигенции включиться в культурную и общественную работу в регионе. Период 1939–1944 гг. является важным этапом проведения политики этнокультурной инженерии в отношении жителей региона, часть которых до сих пор находится в поисках собственной идентичности.

Література:

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / пер. с англ. А. Олейникова [и др.]. – М. : Европа, 2007. – 612 с.
2. Аристов Ф. Ф. Карпато-руські писателі. Исследования по неизданным источникамъ. – М.: Изданіе галицко-русскаго общества въ Петрограде, 1916. – 305 с.

3. Бенедек А. Сосіди добрі і вшелиякі. Русини, gens fidelissima / пер. русинською І. Керча. – Ужгород : ПоліПрінт, 2001. – 176 с.
4. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
5. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдые П. Социология политики / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993. – С. 85–123.
6. Вакаров Д. О. Довольно слов! / Вакаров Д. О. // Сочинения / редкол. : В. И. Данканич и др. ; вступ. ст. В. С. Попа. – Ужгород : Карпати, 1986. – С. 78–79.
7. Вакаров Д. О. Духновичу / Вакаров Д. О. // Сочинения / редкол. : В. И. Данканич и др. ; вступ. ст. В. С. Попа. – Ужгород: Карпати, 1986. – С. 68–69.
8. Контратовичь И. Кровава Пасха в Карпатах // Нова неделя. – 1939. – 9 апреля. – С. 2.
9. Контратовичь И. Свято-стефанска думка и gens fidelissima // Русинський дайджест 1939–1944: у 3 т. / матеріали ушорив М. Капраль. – Т. 2: Красное писемство. – Ніредьгаза: Катедра української і русинської філології Ніредьгазької Висшуй Школи, 2008. – С. 57–66.
10. Коротке мозаики // Нова неделя – 1939. – 26 марта. – С. 3.
11. Панов А. Масарик і Закарпаття. – Ужгород: Поліграфцентр «Ліра», 2010. – 192 с.
12. Протоколь написанный въ Унгваре 26-го януара 1941 года на закладаючомь собраніи Подкарпатского Общества Наукъ // Зоря-Најнал. – 1941. – Число1–2. – С. 181–182.
13. Регент. комиссар Н. Козма mezi середнянскими господарями // Русинський дайджест 1939–1944: у 3 т. / матеріали ушорив М. Капраль. – Т. 3: Кроника. – Ніредьгаза: Катедра української і русинської філології Ніредьгазької Висшуй Школи, 2010. – С. 163.
14. Роздвяне дарунки братских сел // Русинський дайджест 1939–1944: у 3 т. / матеріали ушорив М. Капраль. – Т. 3: Кроника. – Ніредьгаза: Катедра української і русинської філології Ніредьгазької Висшуй Школи, 2010. – С. 167–168.
15. Сміт Е. Д. Національна ідентичність / пер. з англ. П. Тарашука. – Київ : Основи, 1994. – 224 с.
16. Стрипский Г. Заблуделым сынамъ Подкарпаття // Литературна неделя. – 1941. – 23 новембра. – С. 14–22.
17. Тимофеев М. Ю. Нациосфера: Опыт анализа нациосферы наций. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2005. – 279 с.
18. Украинце плачуть... // Нова неделя. – 1939. – 16 юлія. – С. 1–3.

19. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–62.
20. Хроніка Закарпаття 1867–2010 / упор. М. Вегеш, С. Д. Молнар, Й. Монар [та ін.]. – Ужгород: Видавництво УжНУ «Говерла», 2011. – 310 с.
21. Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. – М.: Regnum, 2011. – 410 с.
22. Bonkáló S. A rutének. – Basel – Budapest: Európai Protestáns Magyar Szabadegyetem, 1996 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszag_i_nemzetisegek/altalanos/a_rutenek/. (24.12.2013).
23. Fedinec S. A kárpataljai magyarság történeti kronológiája: 1918–1944. – Galánta – Dunaszerdahely: Fórum Intézet; Lilium Aurum Könyvkiadó, 2002. – 536 о.
24. Teleki Pál, miniszterelnök felszólalása Kárpátalja autonómiájáról a Magyar Élet Pártja 1939. Március 23-i Budapesti ülésén // Magyar Nemzet. – 1939. – Március 24. – О. 1.
25. Teleki Pál. Beszédék. 1939 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://mek.oszk.hu/10300/10338/10338.htm>. (12.08.2013).